

1115 1690
Т. Линский
А. Н. Троицкій.

Tartu Riikliku Ollkook
Raamatukogu

150989

М. А. Мойеръ

ВЪ

ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ Жуковскаго.

(Прочитано въ торжественномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, 5 мая 1902 года).

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

Est. A-12789

А. Н. Троицкій.

М. А. Мойеръ

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

ВЪ

ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ Жуковскаго.

(Прочитано въ торжественномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, 5 мая 1902 года).

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. VI.

Est. 4

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

21854

Въ нашемъ изложеніи мы имѣемъ въ виду остановиться на отношеніяхъ В. А. Жуковскаго къ М. А. Протасовой. Вопросъ этотъ имѣетъ особенный историко-литературный интересъ, такъ какъ отношенія эти отразились на поэтической дѣятельности Жуковскаго¹⁾. Кромѣ того отношенія эти характеризуютъ свѣтлую личность поэта.

Первые годы своего дѣтства Жуковскій провелъ въ родственной ему по крови и симпатіямъ семьѣ помѣщика Бунина. Сестры его, дочери Бунина, были гораздо старше его, что ставило Жуковскаго къ нимъ въ особыя отношенія. Поэтому Жуковскій сблизился со своими племянницами Марьей и Александрой Андреевнами, дочерьми Екатерины Аванасьевны Протасовой. Такому сближенію особенно способствовали занятія Жуковскаго съ племянницами въ 1805—1808 гг. Извѣстно, что Жуковскій, входя въ затруднительное положеніе Екатерины Аванасьевны Протасовой, потерявшей мужа и не имѣвшей достаточно средствъ для того, чтобы дать своимъ дочерямъ образованіе, вызвался помочь ей въ этомъ. Вотъ что говоритъ біографъ Жуковскаго о его ученицахъ:

„Я имѣлъ счастье знать ихъ обѣихъ въ цвѣтъ ихъ жизни. Хотя въ теченіе многолѣтней врачебной практики я

1) См. Загаринъ, Жуковскій и его произведенія, стр. 183—185.

видѣлъ многихъ прелестныхъ и отлично образованныхъ женщинъ въ разныхъ кругахъ общества, но образы Марьи и Александры Андреевнѣ, преждевременно оставившихъ свѣтъ и друзей своихъ, живы въ моей памяти до старости. Вполнѣ понимаю, какъ Жуковскій всею душою привязался къ этимъ дѣвицамъ, изъ которыхъ, казалось, онъ ни той ни другой не отдавалъ преимущества“¹⁾.

По всей вѣроятности во время этихъ занятій зародилось въ Жуковскомъ то чувство чистой любви къ М. А. Протасовой, которое потомъ было для Жуковского источникомъ и многихъ радостей, но еще большихъ горестей. Подтверженіе этому мы находимъ въ дневникѣ Жуковского. 9-го іюля 1805 г.²⁾ Жуковский записалъ слѣдующее: „Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка?³⁾. Но въ душѣ моей слѣлалась перемѣна въ разсужденіи ея! Третій день грустенъ, унылъ. Отчего? Оттого, что она уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ большемъ совершенствѣ. Вижу ее не такую, какова она теперь, но такую, какова она будетъ тогда, и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ это себѣ представляю. Это чувство родилось вдругъ, отчего — не знаю, но желаю чтобы оно сохранилось“

Въ лирикѣ этого періода есть стихотворенія, относящіяся къ Марьѣ Андреевнѣ. Таково четверостишіе, посвященное ей въ 1806 г.

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
 Да будущаго мракъ — тебя не устранишь;
 Душа твоя чиста! ты счастья достойна!
 Тебя Всевышній наградить!

1) Другіе отзывы указаны у А. Лященко, Литерат. Вѣст. 1902, III. 285. Отзывъ А. П. Кернъ у Загарина, стр. 324.

2) Стр. 13.

3) Марьѣ Андреевнѣ было тогда 12 лѣтъ (род. въ 1793 г.).

Въ 1808—1809 г. Жуковскій написалъ стихъ: „Къ Филалету“ (Дл. Ив. Тургеневу), гдѣ есть строки, касающіяся Марьи Андреевны:

Любовь.... Но я въ любви нашелъ одну мечту,
 Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
 И невозвратное надеждъ уничтоженье.
 Изсякшія души наполню ль пустоту?
 Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣстно? . . .
 Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой покой,
 Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
 Я могъ — о сладкій сонъ! — той счастье искупить,
 Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлать!

Наконецъ, къ 1808 г. относится „Пѣсня“ (Мой другъ, хранитель-ангелъ мой . . .), посвященная Марьѣ Андреевнѣ въ день ея рожденія, гдѣ развившееся чувство поэта нашло себѣ полное выраженіе. Пѣсня эта была положена на музыку Дерптскимъ композиторомъ Вейраухомъ, и Жуковскій впоследствии съ удовольствіемъ прислушивался къ ея исполненію.

Въ 1808 г. Жуковскій отправился въ Москву, гдѣ принялъ на себя редактированіе „Вѣстника Европы“. На прощанье онъ написалъ по тому же поводу 15-лѣтія дня рожденія Марьи Андреевны аллегорическую повѣсть: „Три сестры“. Относительно этой повѣсти біографъ дѣлаетъ замѣчаніе: съ этихъ поръ часто стали встрѣчаться въ произведеніяхъ Жуковскаго гениі прошедшаго, настоящаго и будущаго. (Ср. стихъ „Моя тайна“). Онъ намекаетъ при этомъ на счастье. Въ чемъ заключалось это счастье, по представленію Жуковскаго, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ его статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человекъ“, а также въ „Дневникѣ“. Счастье Жуковскій видитъ достижимымъ лишь въ семейной жизни — „ключъ къ объясненію многихъ событій жизни Жуковскаго“. Лично для себя Жуковскій считаетъ счастье возможнымъ въ жизни съ „Машей“¹⁾.

1) См. у А. Лященко. Литер. Вѣстн. 1902, III, 284—285.

Находясь въ Москвѣ, Жуковскій не могъ отрѣшиться отъ своего чувства¹⁾, и въ 1810 г. онъ вернулся въ Мишенское, гдѣ предался литературнымъ занятіямъ. Черезъ нѣкоторое время онъ купилъ по сосѣдству съ Муратовымъ, деревней Е. А. Протасовой, небольшую деревеньку, гдѣ и поселился.

Между тѣмъ чувство поэта требовало себѣ выхода. Жуковскій сдерживалъ его, но зато оно пробивалось въ его стихотвореніяхъ.

Есть одна во всей вселенной —
 Къ ней душа, и мысль объ ней;
 Къ ней стремлю, забывшись, руки;
 Милый призракъ прочь летить.
 Кто жъ мои услышитъ муки,
 Жажду сердца утолить?“ (Жалоба.)

Въ 1810 г. Жуковскимъ было посвящено Марьѣ Андреевнѣ стих. „Къ ней“, найденное въ ея портфели послѣ ея смерти. Упомянемъ также стих.: „Добрая мать“, „Надпись къ солнечнымъ часамъ“, „Пѣвецъ“.

Даже въ переводныхъ стихотвореніяхъ, которыя Жуковскій конечно выбиралъ соотвѣтственно своему настроенію, звучитъ та же скорбная нотка, какую мы видѣли въ приведенныхъ стихотвореніяхъ. Назовемъ стих.: „Мечты“, „Желаніе“, „Цвѣтокъ“, „Узникъ къ мотыльку“ и упомянутыя уже: „Жалобу“ и „Путешественникъ“.

Насталъ 1812 годъ. Жуковскій, очевидно, увѣренный во взаимности Марьи Андреевны, рѣшился объяснитьсь съ Ек. Аѳ. Протасовой и попросить руки Марьи Андреевны. Есть извѣстіе, что въ первый разъ Жуковскій объяснился съ Е. А.

1) Интересно напечатанное въ № 19 Вѣст. Евр. примѣчаніе Жуковскаго къ ст. „Меланхолія“, характеризующее душевное состояніе поэта въ то время. См. у Загарина, стр. 123—128. Ср. стих. „Пѣсня“ (1808—1809): „Счастливъ тотъ . . .“ и „Путешественникъ.“

Протасовой въ 1810 г. ¹⁾. Екатерина Аѳанасьевна, нѣсколько формально относившаяся къ установленіямъ церкви, наотрѣзъ отказала Жуковскому, ссылаясь на родство, и даже запретила Жуковскому говорить объ этомъ ей, тѣмъ менѣе дочерямъ. Напрасно Жуковскій доказывалъ ей, что препятствій по родству нѣтъ. Ек. Аѳ. не соглашалась, и Жуковскій долженъ былъ уступить.

Тяжко было Жуковскому лишиться надежды на осуществленіе мечты, которую онъ такъ долго лелѣялъ. Скорбное чувство его не могло быть скрыто, несмотря на запрещенія Екатерины Аѳанасьевны. 3 августа, въ сосѣднемъ имѣніи „Чернь“, въ день рожденія владѣльца А. А. Плещеева, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, было исполнено положенное на музыку стихотвореніе Жуковскаго „Пловецъ“. Екатерина Аѳанасьевна осталась очень этимъ недовольна, предполагая, что Жуковскій въ этомъ стихотвореніи намекалъ на свое положеніе. Скоро Жуковскій поступилъ въ Московское ополченіе.

12-ый годъ вызвалъ въ сердцахъ русскихъ людей взрывъ патріотическаго чувства. В. А. Жуковскій также раздѣлялъ общее одушевленіе. Къ этому-то времени относится „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, принятый съ энтузіазмомъ. И среди военной обстановки не забылъ поэтъ своей „Маши“.

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
 Нашъ спутникъ неизмѣнный;
 Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
 Зримъ образъ незабвенный;
 Она на бранныхъ знаменахъ,
 Она въ пылу сраженья,
 И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
 Веселыхъ сновидѣнья.

Между тѣмъ тяжелый недугъ (горячка) заставилъ Жуковскаго отстать отъ арміи и уѣхать для поправленія здоровья на родину, куда онъ и прибылъ 6 янв. 1813 г.

Въ Муратовѣ Жуковскій не нашелъ ожидаемаго покоя.

1) Біограф. очеркъ Жуковскаго, составленный проф. Архангельскимъ.

Около этого времени скончался его другъ В. И. Кирѣвскій, и Жуковскому пришлось утѣшать свою племянницу, вдову Кирѣвскаго, Авдотью Петровну. Сюда присоединилось другое несчастье. Около этого времени Марья Андреевна узнала о любви къ себѣ Жуковскаго. Суровое отношеніе матери подѣйствовало на нѣжную природу дѣвушки, и Марья Андреевна захворала серьезно. Здоровье ея очень тревожило Жуковскаго, что видно изъ писемъ. Такъ, въ письмѣ на имя Авд. Петр. Кирѣвской¹⁾, онъ, совѣтуя ей забыть о смерти мужа, предлагаетъ ей заняться наблюденіемъ за состояніемъ Машина здоровья: . . . „Теперь всякое новое потрясеніе пагубно для Маши. Форъ (французъ — врачъ, взятый въ плѣнъ и жившій въ Черни; ему поэтъ посвятилъ особое стихотвореніе) говоритъ: *il est bien temps de prendre des precautions serieuses*“ . . . Особливо съ Машею должно быть какъ можно осторожнѣе. Вы знаете, что все падаетъ прямо къ ней на сердце и въ немъ остается: она скрываетъ всякое огорченіе въ самой себѣ Посмотрите на нее. Эта слабость просто меня ужасаетъ. Милая, вамъ можно быть ея хранителемъ. Дайте же мнѣ слово, что съ этой минуты даже и тогда не огорчите ее своимъ упрекомъ, когда бы имѣли на то право. . . . Веселость души нужнѣе для нея всѣхъ Форовыхъ лѣкарствъ, и вы владѣете этимъ вѣрнымъ лѣкарствомъ Если нѣтъ болѣзни, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что нѣтъ нужды и въ предосторожности. Напротивъ, при такомъ хиломъ здоровьѣ, каково Машино, нужно имѣть осторожность неусыпную и не оставлять безъ замѣчанія ни малѣйшей бездѣлицы“.

Это письмо имѣетъ особенный смыслъ въ виду того, что отношенія Екатерины Аонасьевны къ Марьѣ Андреевнѣ не отличались особенной нѣжностью²⁾. Въ другомъ письмѣ на имя Авдотьи Петровны онъ опять совѣтуетъ ей не предаваться горю, а заняться воспитаніемъ дѣтей, при чемъ поручаетъ „Машу“

1) Рус. Стар. 1883, № 1, стр. 189 etc.

2) См. Лит. Вѣст., 1902, III, 281. Дневн. 25 стр.

ея особенному вниманію. Дѣлаетъ это онъ „для собственнаго счастья“, которое онъ видитъ только въ ихъ „миломъ кругѣ“. Да и для его поэтической славы они должны „стараться быть сколь можно счастливѣе“, такъ какъ „безъ душевнаго спокойствія нельзя трудиться съ успѣхомъ.“

Для того, чтобы выяснитъ вопросъ, возможно ли для него счастье съ Машей, Жуковскій прибѣгалъ къ авторитету уважаемыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; между прочимъ особенно онъ надѣялся на авторитетъ Ив. Ив. Лопухина, масона, человѣка, лично извѣстнаго императору Александру I. 1) Лопухинъ, къ которому Екатерина Аѳанасьевна относилась съ уваженіемъ 2), отнесся очень сочувственно къ дѣлу Жуковскаго, и Жуковскій подъ вліяніемъ этого уже создалъ себѣ идеалъ тихаго счастья. Душевное состояніе его выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Самъ бросить своего счастья не могу“, пишетъ онъ: „пускай его у меня вырвутъ; пускай его мнѣ запретятъ; тогда, по крайней мѣрѣ, не я буду причиной своей утраты“ . . .

Между тѣмъ, Марья Андреевна чувствовала себя неловко по отношенію къ Жуковскому, такъ какъ объясненія между ними не было, хотя она и знала о любви къ себѣ Жуковскаго. Наконецъ объясненіе произошло и было причиной сильнаго гнѣва Екатерины Аѳанасьевны.

Въ 1813 г. въ семьѣ Протасовыхъ появился довольно извѣстный сатирической писатель Александръ Ѳеодоровичъ Воейковъ 3), впоследствии профессоръ русской литературы въ Дерптѣ. Ставъ женихомъ Александры Андреевны, Воейковъ настолько измѣнилъ свои отношенія къ Жуковскому 4), введшему его въ семью Протасовыхъ, что Жуковскій вынужденъ былъ удалиться въ Чернь къ Плещеевымъ. Отсюда, ободренный Лопухинымъ, митр. Филаретомъ и др., Жуковскій еще разъ пріѣхалъ въ Муратово попытать счастья, такъ какъ знакомые взяли распо-

1) Ср. Р. Арх. 1883, II, 313—314.

2) Ibidem, 316, примѣч.

3) Его характеристика у Загарина, стр. 155.

4) Жуковскій одно время желалъ себѣ даже смерти. Рус. Стар. 1883, II, 438.

ложить Екатерину Аванасьевну въ его пользу. Но знакомые слова не сдержали, и Екатерина Аванасьевна осталась при своемъ. Марья Андреевна была принуждена сказать, что готова жертвовать своимъ счастьемъ для спокойствія матери¹⁾. Жуковскій думалъ, что счастье для него возможно лишь въ томъ случаѣ, если мнѣніе Екатерины Аванасьевны о невозможности брака будетъ опровергнуто голосомъ, идущимъ съ трона и поддержаннымъ авторитетнымъ духовнымъ лицомъ²⁾.

Свадьба Александры Андреевны и Воейкова была назначена на 2 іюля, а послѣ этого Протасовы собирались въ Дерптъ. Жуковскій желалъ сопровождать ихъ, но его останавливало отношеніе къ нему Воейкова и Екатерины Аванасьевны. Какъ чувствовалъ Жуковскій себя въ Муратовѣ, видно изъ его словъ :

„И эти люди называютъ себя христіанами? Что это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ души всякое состраданіе? Эти люди-эгоисты, подъ святымъ именемъ христіанъ, смотрятъ на людей свысока. Однимъ несчастнымъ болѣе или менѣе въ порядкѣ созданія — какое дѣло! Рѣжь во имя Бога и будь спокоенъ!“

Подъ вліяніемъ всего этого Жуковскій поселился въ Долбинѣ у племянницъ своихъ Анны и Авдотьи Петровнъ (Юшковыхъ), общихъ друзей его и Марьи Андреевны. Послѣ всего сказаннаго понятны будутъ для насъ стихотворенія Жуковскаго, относящіяся къ разобранному періоду.

Интересна „Пѣсня“, гдѣ выражаются основные мотивы поэзіи Жуковскаго.

Есть лучший міръ; тамъ мы любить свободны.

Туда моя душа ужъ все перенесла.

Туда всечасное влечетъ меня желанье.

Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье

Въ другомъ стихотвореніи³⁾ находимъ похожее мѣсто :

1) Р. Стар. 1883, II, 439.

2) Р. Арх. 1895 г., прилож., стр. 139.

3) А. И. Тургеневу.

„Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣнемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель.

Въ стих. 29 янв. 1814 г. Жуковскій говоритъ:

Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ, сказалъ: „я другъ навѣки твой!“
Въ семь словъ все сказалъ небесный утѣшитель.
Въ семь словъ цѣль моя, надежда и вѣнецъ.
Благодарю за жизнь, Творецъ!

Въ стих. „Къ самому себѣ“ Жуковскій даетъ себѣ совѣтъ
искать утѣшенія въ настоящемъ.

Баллада „Эльвина и Эдвинъ“, по свидѣтельству Зейдлица,
имѣетъ прямое отношеніе къ Жуковскому. Эдвинъ и Эльвина лю-
бятъ другъ друга, но счастье ихъ разрушаетъ старикъ, отецъ
Эдвина:

„Разстаньтесь!“ роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

И во многихъ стихотвореніяхъ этого періода, и ориги-
нальныхъ и переводныхъ, звучитъ скорбная нота. Назовемъ
нѣкоторыя: „Эолова арфа“, „Теонъ и Эсхинъ“, „Обѣтъ“,
„Алина и Альсимъ“ — и даже въ „Пѣвцѣ въ Кремлѣ“ —
последняя строфа. Но въ такъ наз. „Долбинскихъ“ стихо-
твореніяхъ Жуковскаго слышится бодрость, часто даже перехо-
дящая въ шутовство. Можно видѣть здѣсь благотворное
вліяніе Долбинской жизни, а можетъ быть Жуковскій хотѣлъ въ
нихъ забыть предстоящую разлуку съ близкими сердцу. Инте-
ресно въ этомъ отношеніи его стихотвореніе „Добрый совѣтъ“,
гдѣ авторъ указываетъ на значеніе въ жизни любви, надежды
и терпѣнья.

Свадьба А. А. Протасовой и Воейкова, назначенная на
2 іюля, состоялась 14, и то благодаря матеріальной помощи

Жуковского. Протасовы собирались въ Дерптъ. Жуковскій рѣшилъ ради спокойствія Марьи Андреевны отказаться отъ своего счастья и войти въ семью Протасовыхъ на правахъ брата и отца. Этимъ онъ думалъ уничтожить то недовѣріе, съ которымъ относилась къ нему Екатерина Аванасьевна. „Чего я желалъ?“ писалъ онъ Марьѣ Андреевнѣ: „Быть счастливымъ съ тобою. Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ тобою“¹⁾.

Послѣ долгихъ переговоровъ Жуковскій получилъ отъ Екатерины Аванасьевны Протасовой позволеніе сопровождать ихъ въ Дерптъ. Отъ Дерптской жизни онъ не ждалъ ничего отраднago. И дѣйствительно онъ не долго тамъ выжилъ²⁾. Недовѣріе къ нему было такъ сильно, что онъ и Марья Андреевна должны были переписываться, хотя жили въ одномъ домѣ. Жуковскій рѣшилъ уѣхать. Хотя онъ писалъ, что отъѣздъ для него „не будетъ жертвой“, однако состояніе духа его было тяжелое. „Теперь что мнѣ осталось? Начинать новую жизнь безъ цѣли, безъ бодрости и за какимъ счастьемъ гнаться? . . . Сердце ноетъ, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили“³⁾.

Передъ отъѣздомъ онъ писалъ Марьѣ Андреевнѣ: „Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты мнѣ давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою — опытъ, самый благодѣтельный на всю жизнь: онъ увѣряетъ меня, что лучшія минуты въ жизни тѣ, въ которыя человекъ забываетъ себя для добра и забываетъ не на одну минуту. Сама можешь судить, что въ этомъ во-

1) Р. Стар. 1883, III, 668.

2) Въ домѣ № 20 по б. Цвѣточной (Блумовской), нынѣ улицѣ Жуковского. Въ томъ же домѣ Жуковскій жилъ и въ 1816 и 1817 гг. См. у І. І. Змигродскаго, въ его брошюрѣ: „Памяти В. А. Жуковского.“

3) Р. Стар. 1883, III, 670.

споминаніи о тебѣ заключены будутъ все мои должности. Пропади оно — я все потеряю“.

Что переживалъ Жуковскій передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, объ этомъ свидѣтельствуемъ приписка къ одному письму на имя Марьи Андреевны: „Это было написано вчера поутру. Маша, откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ“.

Изъ Петербурга Жуковскій пріѣзжалъ въ Дерптъ на короткое время на крестины новорожденной дочери А. А. Воейковой. Изъ Дерпта онъ писалъ А. И. Тургеневу¹⁾: „Развѣ я поѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ на него глядѣть свободными глазами: здѣсь душа, мысли и чувства сжаты“.

24 авг. 1815 г. Жуковскій покинулъ Дерптъ съ твердымъ желаніемъ въ него не возвращаться, „съ самымъ грустнымъ холоднымъ настоящимъ и съ самымъ пустымъ будущимъ въ своемъ чемоданѣ“²⁾. Надежда на счастье съ Марьей Андреевной изрѣдка возвращалась къ нему, но онъ, дорожа спокойствіемъ Марьи Андреевны, отгонялъ ее, хотя могъ бы найти участіе въ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которой былъ представленъ.

Въ 1815 г. случилось событіе, опредѣлившее отношенія Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ. Домашній врачъ Протасовыхъ, профессоръ Мойеръ, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Андреевнѣ. Марья Андреевна немедленно сообщила это Жуковскому въ письмѣ отъ 8 ноября 1815 г. Высказывая свое желаніе выйти за Мойера, Марья Андреевна убѣждала Жуковскаго, что бракъ этотъ уничтожитъ прежнія отношенія Жуковскаго къ ней и Екатеринѣ

1) 1 или 2. авг. 1815. См. Р. Арх., 1895, прил., 148.

2) Р. Стар., 1883, IV, 102.

Анастасьевнѣ и создать лучшія. Объ этомъ же извѣщала Жуковскаго и Екатерина Анастасьевна. Не сразу отвѣтилъ ошеломленный этимъ извѣстіемъ Жуковскій. Наконецъ онъ отправилъ 27 ноября 1815 г. Марьѣ Андреевнѣ длинное письмо. Въ немъ Жуковскій, признавая отличныя душевныя качества Мойера¹⁾, протестуетъ противъ поспѣшности окончательнаго отвѣта. Онъ подозрительно относится къ такой быстротѣ рѣшенія Маши²⁾ и подозрѣваетъ здѣсь вліяніе матери, а также желаніе Марьи Андреевны вырваться изъ среды, гдѣ она должна была сталкиваться съ преслѣдовавшимъ ее почему то Воейковымъ. Жуковскій настаиваетъ на необходимости отложить окончательное рѣшеніе, напоминаетъ Марьѣ Андреевнѣ о ея клятвѣ выйти замужъ по собственному выбору, а не по принужденію. Не подался онъ также на заманчивость перспективы жить въ родномъ кругу, которую рисовала ему Марья Андреевна. „Скорѣе соглашусь двадцать разъ себя разбить голову, нежели искать мѣста въ этой семьѣ“³⁾, писалъ онъ. Жуковскій такъ принялъ къ сердцу дѣло „Маши“, что у него даже произошла размолвка съ Ек. Аѳ. Протасовой, вліянію которой онъ приписывалъ согласіе „Маши“.

6-го декабря 1815 г. Марья Андреевна написала ему новое письмо, гдѣ опровергала его подозрѣнія и убѣждала его, что ею руководитъ симпатія къ Мойеру. Письмо ея не разубѣдило Жуковскаго, и онъ въ январѣ 1816 г. отправился въ Дерптъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что ему писали. Въ Дерптѣ онъ пробылъ недолго. Увидѣвъ взаимную склонность Марьи Андреевны и Мойера, Жуковскій далъ свое согласіе на бракъ. Отношенія его къ Марьѣ Андреевнѣ опредѣлились: онъ сталъ къ ней въ положеніе отца. „У меня теперь прекрасная

1) Характеристики его: Р. Арх., 1902, мартъ. Зейдлицъ, 94—95. Отзывъ самого Ж—го о немъ въ Р. Стар., 1883, III, 227. Журналъ М. Н. П., 1902, I, 87 (у проф. Е. В. Пѣтухова). Р. Арх., 1883, II. Загаринъ, 182.

2) Находясь въ августѣ того же года въ Дерптѣ, Жуковскій и не подозрѣвалъ возможности сватовства Мойера.

3) Р. Стар., 1883, V, 361.

цѣль въ жизни“, пишетъ онъ. „У меня руки развязаны дѣлать все, что отъ меня зависитъ, для Машина счастья“¹⁾.

Въ письмѣ на имя Авд. Петр. Кирѣевской отъ 19 февр. 1816²⁾ г. Жуковскій сообщаетъ, что въ эту поѣздку ему удалось помириться и съ Ек. Аванасьевной, а также объясниться по душѣ съ Мойеромъ, который, пишетъ онъ, „не только понялъ, но угадалъ и предупредилъ мои мысли“. „Мы теперь съ нимъ вѣрные товарищи — цѣль наша прекрасная! Общее счастье! и это счастье называется Машею“.

Но не слѣдуетъ думать, что въ немъ угасло его чувство къ Машѣ. Въ томъ же письмѣ читаемъ: „во мнѣ есть другой человекъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру. . . . Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умретъ непременно. И знаете ли, что будетъ его убійцею? — что то воздушное, безтѣлесное, живущее въ нижеслѣдующихъ каракуляхъ:

Все въ жизни къ великому средство!
И горе и радость — все къ цѣли одной!
Хвала Жизнедавцу — Зевесу!

Настроение поэта отражаютъ также его стихотворенія: „Воспоминаніе“, „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“ (изъ Гете); „Пѣсня“ (Кольцо души-дѣвицы . .), „Пѣсня бѣдняка“, „Пѣсня“ (Минувшихъ дней очарованье).

Въ апрѣлѣ 1816 года Жуковскій пріѣхалъ въ Дерптъ и имѣлъ въ виду прожить здѣсь годъ до свадьбы, которая была отложена. Хотя „исторій не было“, но не было и согласія въ семьѣ Екатерины Аванасьевны. Она не могла помириться съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣлъ Жуковскій въ глазахъ Марьи Андреевны. Съ другой стороны Жуковскій терзался за Машу,

1) Р. Стар., 1883, VIII, 228.

2) Ibidem стр. 229 etc.

такъ какъ ему казалось, что ея сближеніе съ Мойеромъ происходитъ медленно¹⁾).

Наконецъ 14 января 1817 г. состоялась въ Успенской церкви свадьба Марьи Андреевны и Мойера. Жуковскій увѣковѣчилъ это событіе въ одной изъ строфъ своего „Вадима“ :

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
 Предъ царскими дверями,
 И вдругъ... святой налой предъ нимъ,
 Главы ихъ подъ вѣнцами,
 Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены,
 И кольца обручальны
 На персты ихъ возложены,
 И слышенъ гимнъ вѣнчальный.

Послѣ свадьбы Марьи Андреевны Жуковскій хотѣлъ было поселиться въ Дерптѣ, но, чтобы избавиться отъ овладѣвшей имъ апатіи, онъ сталъ искать дѣятельности²⁾. Судьба указала ему дѣло. Въ концѣ 1817 г. онъ былъ избранъ въ учителя русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ, и тѣмъ начались его тѣсныя связи съ царскимъ семействомъ.

На прощаніе съ Дерптомъ онъ перевелъ изъ Гете: „Утѣшеніе въ слезахъ“ и „Къ мѣсяцу“. Настроеніе поэта было выражено въ одномъ изъ нихъ такъ :

Лейся, мой ручей, стремись!
 Жизнь ужъ отцвѣла.
 Такъ надежды пронеслись,
 Такъ любовь ушла.

Ахъ, то было и моимъ,
 Чѣмъ такъ сладко жить!
 То, чего, разставшись съ нимъ,
 Вѣчно не забыть.

1) Е. В. Пѣтуховъ. В. А. Жуковскій въ Дерптѣ, стр. 24.

2) Письма В. А. Ж—аго къ А. И. Тургеневу. Р. Арх. 1895, 176—177.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моей
Лирой согласуй.

Въ перенискѣ и поэзіи послѣдующихъ лѣтъ мы находимъ мало имѣющаго непосредственное отношеніе къ Марьѣ Андреевнѣ. Упомянемъ краткое стихотвореніе „Мойеру“, гдѣ Жуковскій какъ бы передаетъ ему „Машу“. Но по временамъ поэта посѣщала сильная грусть. Въ такомъ настроеніи написана имъ „Пѣсня“ (Отымаетъ наши радости безъ замѣны хладный свѣтъ), которая возбудила сожалѣніе о Жуковскомъ въ Марьѣ Андреевнѣ.

Въ 1822 г. Жуковскій снова видѣлся въ Дерптѣ съ Марьей Андреевной¹⁾. „Я былъ въ Дерптѣ, пишетъ онъ, и радъ тому, что былъ тамъ. Видѣлъ Машу, говорилъ съ нею о ней и доволенъ: это поэзія. Мы говорили о нашей утопіи . . . Судьба погромѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное — шелуха“.

Въ февр. 1823 г. Жуковскій былъ въ Дерптѣ вмѣстѣ съ А. А. Воейковой, пробылъ здѣсь двѣ недѣли и 10-го марта возвратился въ Петербургъ. Скоро онъ получилъ поразившее его глубоко извѣстіе о смерти Марьи Андреевны, скончавшейся 19 марта 1823 года. Свое тяжелое горе онъ излилъ въ письмѣ на имя Авд. Петр. Кирѣевской-Елагиной отъ 28 марта 1823 изъ Дерпта. Въ началѣ письма Жуковскій говоритъ о подробностяхъ своего разставанья съ Марьей Андреевной незадолго передъ тѣмъ, потомъ переходитъ къ разсказу о ея смерти. „Горе было для всѣхъ“, писалъ далѣе Жуковскій: „здѣсь всѣ ея потеряли . . . Она казалася спящею на цвѣтахъ. Всѣ

1) Остановливался у Мойера, Карловская ул., № 85, въ теченіе почти 15 послѣдующихъ лѣтъ. См. у. І. І. Змигродскаго въ указанной брошюрѣ.

проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнулъ. Ангелъ мой, Дуняша, подумайте, что обо всемъ этомъ пишу къ вамъ я, и поберегите свою жизнь. Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть, какъ увѣреніе Божіе, что жизнь — святыня. Увѣряю васъ, что это теперь для меня понятнѣе; мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія; нѣтъ, это опытъ. Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и ободрительнѣе. Самое преспешнее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто бы не существуетъ, и прежнее яснѣе, ближе“ . . .

Это горестное событіе Жуковскій увѣковѣчилъ въ глубоководно-трогательномъ стихотвореніи:

Ты предо мною
 Стояла тихо,
 Твой взоръ унылый
 Былъ полонъ чувствъ.
 Онъ мнѣ напомнилъ
 О миломъ прошломъ;
 Онъ былъ послѣдній
 На здѣшнемъ свѣтѣ.
 Ты удалилась,
 Какъ тихій ангелъ;
 Твоя могила,
 Какъ рай, спокойна.
 Тамъ всѣ земныя
 Воспоминанья,
 Тамъ всѣ святыя
 О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!

Тихая ночь!

Память о „Машѣ“ сдѣлалась для Жуковского религіей, а могила — алтаремъ.

„Въ пятницу на святой недѣлѣ, пишетъ Жуковскій въ одномъ письмѣ, мы всѣ были на ея могилѣ; тамъ слышалъ я подъ чистымъ небомъ, смотря, какъ всѣ плакали, стоя на колѣняхъ, и мать и мужъ: „Христось воскресе! и сущимъ во гробѣхъ животь дароваль“. Это была возвышенная минута жизни. Теперь я знаю, что такое смерть; но безсмертіе стало понятнѣе — жизнь не для счастья; въ этой мысли заключено великое утѣшеніе“.

Тяжело было Жуковскому покидать Дерптъ послѣ смерти Марьи Андреевны. Послѣдніе три дня были проведены на ея могилѣ: садили деревья, цвѣты.

„Первый весенній вечеръ нынѣшняго года, прекрасный, тихій, провелъ я на ея гробѣ“, писалъ онъ изъ Дерпта. „Солнце свѣтило на него такъ спокойно. Въ полѣ игралъ рогъ. Была тишина удивительная. И видъ этого гроба не возбуждалъ никакой мрачной мысли“

Марья Андреевна Мойеръ погребена на православномъ кладбищѣ. Могила ея находится недалеко отъ южной стѣны церкви и украшена чугуннымъ крестомъ съ бронзовымъ распятіемъ. Сооруженъ крестъ Жуковскимъ. На металлической дощечкѣ вырѣзаны имя Марьи Андреевны а также два текста изъ Евангелія: „Да не смущается сердце ваше“ и т. д. (особенно любимый поэтомъ) и „Прійдите ко мнѣ вси труждающіеся“ и т. д. Рядомъ съ ея могилой Жуковскій приготовилъ мѣсто и для себя, но похороненъ, какъ извѣстно, тутъ не былъ.

Мы уже замѣтили, что память „Маши“ стала для Жуковскаго религіей, а могила — алтаремъ. „Сколько разъ, говоритъ его біографъ, въ теченіе 17 лѣтъ, пока не оставилъ онъ Россію, побывалъ онъ на этомъ кладбищѣ! И въ послѣдніе годы жизни, когда онъ жилъ за границею, сердце влекло его сюда болѣе, чѣмъ когда либо. Здѣсь онъ надѣялся устроить и свое послѣднее земное жилище, но его надежда не сбылась“. Такъ онъ былъ на могилѣ Марьи Андреевны въ 1824 г., когда провожалъ за границу больного Батюшкова.

Онъ пишетъ Авдотѣ Петровнѣ: „передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я остановился на могилѣ Маши; чувство, съ какимъ я взглянулъ на ея тихій цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, умиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилою небесная тишина. Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усадительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ“.

Жуковскій никогда не могъ забыть удара, нанесеннаго ему смертью Марьи Андреевны. Всякое воспоминаніе о ней было ему дорого: онъ, напримѣръ, встрѣчаетъ новый 1831 г. наединѣ, читая письма Марьи Андреевны и какъ бы съ нею бесѣдуя.

Смерть Марьи Андреевны отразилась и на поэтической дѣятельности Жуковского. Въ теченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ онъ не создалъ ничего крупнаго. Да и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ проявлялось по временамъ грустное чувство, напр. въ „Ундинѣ“, „Камоэнсъ“.

Послѣдній разъ Жуковскій былъ въ Дерптѣ въ 1841 г.¹⁾ передъ отправленіемъ своимъ за границу. Онъ по обычаю посѣтилъ могилу Марьи Андреевны и „разстался съ милымъ прошедшимъ“.

Въ послѣдніе годы острое чувство скорби въ Жуковскомъ притупилось и замѣнилось благодарнымъ воспоминаніемъ о прошломъ. Въ этомъ отношеніи характерно слѣдующее четверостишіе, помѣщенное имъ въ одномъ изъ его писемъ Зейдлицу:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: „ихъ нѣтъ!“
Но съ благодарностію: „были“.

¹⁾ И въ 1824 и въ 1841 гг. останавливался въ гостинницѣ „Лондонъ“.

-20-

1-

Est.

A-12 789

2,554